

Михаил ВОЛОХОВ

**ДИОГЕН.
АЛЕКСАНДР.
КОРИНФ.**

Исторический миф

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Диоген
Александр
Солдат
Юнец
Менипп
Офицер
Атлет
Граждане Коринфа, воины, стражники

Коринф. 323 год до нашей эры. На сцене бочка (пифос) Диогена Синопского. Входят два странника - Александр Македонский и его Солдат.

Солдат. Бочка! Бочка Диогена?! Мы дошли до нее, Александр?!

Александр. Может и дошли. Она пуста. (Достает из бочки ветвь кипариса.) Ветвь кипариса.

Солдат. Принадлежность мертвецов. К веточке привязана записка.

Александр (читает). «Смерти от Диогена». Значит жив старик еще на свете. (Бросает ветвь кипариса обратно в бочку.)

Солдат. Ура? Победа?! (Поднимает с земли кость.) Собачья кость.

Александр. Кинический философ Диоген - собака. Но собаки служат-то другим. Уж, наверно, я, скорей, собака. Хотя меня и волком нарекли.

Солдат. Кто это посмел волком тебя назвать?... (Обнажает свой меч, смотрит по сторонам.)

А л е к с а н д р. Да волки не плохие звери - не выходят за флажки - в законе цвета красного живут. Конечно и тебе спасибо за собачью службу, человеческий мой брат.

С о л д а т. Ты Бог мой, Александр – Бог наших всех незабываемых побед.

А л е к с а н д р. Культуру Греции, свет Истины - ее только через кровь и можно изначально насадить варварским народам - чтоб потом их всех людей объединить в согласии через культуру - Образ Чистоты. А Диоген один, с одним лишь языком на поле воин.

С о л д а т. Чтоб победить - нас много быть должно.

А л е к с а н д р. Должны едино - правильно мы мыслить, вечный мой солдат.

С о л д а т. Жить вечно - выполняю как осмысленный приказ.

А л е к с а н д р. Пойди приляг, чтоб сил набраться для побед грядущих зрячих.

С о л д а т. Но мы же победили всех.

А л е к с а н д р. Мечом.

С о л д а т. Ну а чем еще?

А л е к с а н д р. Молчанием еще не победили.

С о л д а т (*идет в угол сцены, ложится*). Молчанием тогда меня и разбуди, как буду нужен со своим мечом. (*Засыпает.*)

А л е к с а н д р. Со своим мечом - лязгающим, вопящим... (*Садится рядом с солдатом и опускает голову на колени. Входят философ-киник Менипп и Юнец.*)

Ю н е ц. Если Диоген возьмет меня к себе в ученики - Зевсом клянусь - дам тебе в долг четыре таланта.

М е н и п п. Но долг я тебе не отдам. Почему?

Ю н е ц. Так поступают все ваши диогеновские собаки кинические.

М е н и п п. Ты сейчас и покупаешь это право. Дай денежку по-быстрому.

Ю н е ц. Я вижу лишь пока пустую бочку - больше - ничего. Мы ж договорились - ты получаешь деньги, как только Диоген говорит мне свое да.

М е н и п п. Ну ты отличный жмот.

Ю н е ц. А я и пришел к Диогену - чтобы он меня от жмотства избавил.

М е н и п п. От этого могила только избавляет. Диоген сказал.

Ю н е ц. Диогену можно...

М е н и п п. А что он сказал про женскую часть рода человеческого?

Ю н е ц. Когда он увидел бабу, повесившуюся на оливковом древе - изрек: вот, если б все древа такие плоды приносили.

М е н и п п. Выучил неплохо анекдоты. И что тебе все же приспичило податься к Диогену в школу - ты же все имеешь, что захочешь за таланты?

Ю н е ц. Хочется иметь все без талантов - понимаешь.

М е н и п п. Скромный человек. На самом видном месте и надо такую скромность-то носить.

Ю н е ц. Пытаемся, дружище. *(Кладет Мениппу на плечо свою руку.)* Побрезговала моим золотом. Стань, говорит, известным Диогеном - тогда я еще посмотрю, как на тебя смотреть.

М е н и п п. Так, значит, это идея девушки любимой - загнать тебя в бочку тщеславия?

Ю н е ц. Ее, очковой кобры, змеиная идея. Нет, если б все эти сыкушки висели на оливковых древках - в мире было бы куда больше покоя и порядка, а в бочках доброго вина. А то, понимаешь, имеют на одно отверстие больше, куда можно запарить торчащую радость мужскую, а столько, понимаешь, лишнего затратного движенья денежного гробишь в пустоту. Нет, уж лучше научиться дрючить мальчиков спокойно и прилежно или заниматься онанизмом на виду у всех, как Диоген – уж, во всяком случае, на этих бабах денег сэкономишь.

М е н и п п. Вот, если б и голод можно было унять, потирая живот. А денюжку иметь, карманы потирая. Тогда бы можно было просто не родиться и не жить.

Голоса за сценой. И... входит Диоген, Атлет и несколько граждан Коринфа. На голове Диогена сосновый венок, в руках фонарь.

Д и о г е н. Диоген приветствует своих гостей. *(Хлопает Мениппа по плечу. К атлету.)* Из-за соснового-то венника-венка - козлам бы надо биться, а не людям. *(Одевает сосновый венок на голову Атлета.)*

А т л е т. Я победил всех эллинов на целый стадий в беге.

Д и о г е н. Олени с зайцами - куда быстрее от трусости-то шпарят.

А т л е т. Ахилл был быстроногим и храбрейшим.

Д и о г е н. Да Ахилл не мог и Гектора догнать, гоняясь целый день за ним бедняга! *(Смеется.)*

А т л е т. Александр Македонский бегал очень хорошо.

Д и о г е н. Но соревноваться отказался на олимпиаде.

А т л е т. Там не было ему соперников - царей.

Д и о г е н. А вот я, не будучи царем, царскую бедность решил победить, царское изгнание, царское бесславие, царские тоску, гнев, страсти - страх невыносимый, и самое, казалось бы, непобедимое царское чудовище - наслаждение - силой души победил и этой вот

бочкой бездонной. И я рад, когда толпа ликует - мою победу принимая за свою.

Всеобщее одобрение, рукоплескание. За сценой слышно блеянье козла.

Венки козлам лишь надлежит вкушать - по праву это лакомство-то им принадлежит. *(Срывает с Атлета сосновый венок и швырнет его за кулисы «козлу».)*

А т л е т. Что ты с венком моим наделал, шелудивый пес?

Д и о г е н. На самое достойнейшее царское место венок пошел козлу в утробу.

А т л е т. А я еще хотел стать твоим учеником.

Д и о г е н. Я стал уже учителем твоим.

А т л е т. Попробуй только раз еще... *(Убегает.)*

Д и о г е н. А что-то было в нем.

Голоса граждан Коринфа в след Атлету: «Олень! Заяц! Козел...» И граждане Коринфа уходят за ним.

(Светит им вслед фонарем.) Сами кто, скоты? Не вижу я людей - нигде людей не вижу. *(К Мениппу.)* Ну что, Менипп-ростовщик, все страхуешь под залог корабли? Как поживают морские проценты?

М е н и п п. Мои морские проценты решили заняться кинической философией, Диоген.

Д и о г е н. Заодно привлекут и хозяина. Благодарю судьбу за такую защиту. И заставь когда-нибудь свою судьбу расплакаться в жилетку, что тебя - собаку бешенну, она не в состоянии свалить. Вчера роковая моя - призналась в этом мне.

А л е к с а н д р. «Только сего не дается свирепого пса мне уметить».

Д и о г е н. Слепой Гомер всегда всевидящ, странник. Что это бабочка вокруг тебя, Менипп, порхает-вьется? *(Кивает на Юнца.)* Твои нектарные проценты утонули, но хер, я вижу, твой вознесся над пучиной и восстал во сладость всех мальцов? С чем и поздравляю. Одолжи воткнуть младенцу.

М е н и п п. Наслаждений победителю?

Д и о г е н. Противника надо все время иметь под рукой - тогда победы будут прочно и всегда на члене чертыхаться.

Ю н е ц. Гениально!

Д и о г е н. Соображает попкой резвой мальчуган.

М е н и п п. Диоген - в твои-то годы - так решительно шутить.

Д и о г е н. Мне годы прибавляют только сил, Менипп.

М е н и п п. Он просто хочет стать твоим учеником достойным, Диоген. Его глаза блестят и щеки полыхают, и, глядя на тебя - он просто замирает и вдыхает нектар твоей божественной души. И мечтает первым стать учеником твоим, и потому понравиться надеется намного больше, скажем, чем Алкивиад Сократу. Ведь ищешь ты себе давно ученика достойного тебя.

Д и о г е н. Всю жизнь ищу. Как твое имя, аппетитный юноша колбасный?

Ю н е ц. Александр.

Д и о г е н. Мужей всеильный покоритель.

М е н и п п. И, к тому же, злата.

Д и о г е н. Но я учу побеждать лишь бедность жалкую, дружище.

А л е к с а н д р. Царственной бедностью.

Д и о г е н. Ты, странник, мне окажешь услугу преольшую, если сможешь пару слов сказать вступительных и нежных, к моим урокам черствым, этому сынку.

А л е к с а н д р. Диоген учит ходить босяком, воду пить из ладоней, одним обходиться плащом, чечевичную похлебку хлебать из ямки в хлебном мякише продавленной - возвращению к природе учит. А разобратся - просто подражает Дарию - персидскому царю. Зимовал ведь Дарий в теплой Азии - Вавилоне, Сузах. А летом жил в прохладных Экбатанах. Так и Диоген в Коринфе - летом, а зимой и Афинах.

Д и о г е н. Но да разве можно ли сравнить коринфский Краний, афинские Акрополь и Пропилеи с царскими дворцами? Что же касается царских богатств...

А л е к с а н д р. Одна половина - без пользы загнивает у царей. Другой же половиною богатств царь распоряжается, как неуч.

Д и о г е н. Ты все взвесил, Александр? *(Смотрит попеременно на Александра и Юнца.)*

Ю н е ц. Я всегда завешиваю точно.

Д и о г е н. Ну а если я возьму вот палку и об голову твою сломаю на куски? *(Замахивается на Юнца палкой.)*

Ю н е ц. У тебя не найдется дубины такой - чтобы меня прогнать, пока у тебя будет что мне сказать.

Д и о г е н. Так я ответил Антисфену - своему учителю, когда меня прогнать он собирался. Поднатаскали изрядно тебя, я смотрю. *(Смотрит на Мениппа.)* А если я тебе скажу взять в зубы кость, встать на четвереньки и бегать за мной по пятам?

Ю н е ц. Элементарно. *(Берет в зубы кость, становится на четвереньки - и бежит за Диогеном по сцене.)*

Д и о г е н. Собачьего лая не слышу!

Ю н е ц *(вынув изо рта кость, лает)*. Гав! Гав! Гав!

Д и о г е н. Надо лаять на бегу, на четвереньках и с костью в зубах.

Юнец делает неудачную попытку.

Не получается? Пойди потренируйся, а научишься - придешь.

Ю н е ц. А сам покажешь, как надо бы тренироваться, бегая на четвереньках и с костью в челюстяге?

Д и о г е н. Для этого палка берется моя, примеривается к заднице твоей и с лаем-посвистом, вдруг, палка бегать начинает по твоим роскошным ягодицам. *(С силой бьет Юнца по заду.)*

Ю н е ц. А-а-а... Насилие... Сука... *(Перехватывает палку.)* Ты сейчас ответишь мне за это, дряхлый старикашка! *(Вырывает у Диогена палку.)*

Д и о г е н *(плюет ему в лицо)*. Не вижу кругом отхожего более места.

Ю н е ц. Даже так, паскуда... *(Замахивается на Диогена палкой, но Александр резким ударом своего посоха выбивает ее и бьет своим посохом Юнца по заду.)*

Ю н е ц. А-а-а... Мама... Больно... Заговор... Собаки... Да кто такой ты, бродяга, что так много на себя берешь?

А л е к с а н д р. Македонский, видно, Александр.

Ю н е ц. А-а?! Шутник. Кощунствуешь еще? Не знаешь, что Великий Александр Македонский от лихорадки умер в Вавилоне четыре месяца назад? Я, видишь-ли, горжусь, что и меня родители назвали Александром. И не позволю здесь, в своем Коринфе, в своем доме богохульствовать! *(Поднимает с земли палку, хочет ударить Александра, но Александр резким ударом своего посоха снова выбивает палку из его рук.)*

А л е к с а н д р. Языком ты пользуешься хуже, чем грязной задницей и грязными ушами, пидар! *(Бьет Юнца посохом по заду.)*

Ю н е ц. Я не пи!... О, я не пи..... Если пидар я, то кто тогда все вы, остальные здесь, все пидарасы философии своей пидарастичной экзистенциально-заграничной, сука, личной?... Сартр не заметил Диогена - знамя философии своей эгоистичной бочечнозатычной. Я лично этого так просто не оставляю. Вы у меня еще подавитесь понтийским мёдом, самозванцы жалкие, онанисты царские... *(Убегает.)*

Д и о г е н. Беги и соревнуйся в состязании по копанью ям и подставлению подножек.

М е н и п п. У него на каждом пальце кольца с бриллиантами.

Д и о г е н. Как у Алкивиада.

М е н и п п. Почему не дал ты заработать на нем денег, Диоген?

Д и о г е н. Тебя я потому что уважаю.

М е н и п п. Не пахнут деньги, Диоген.

Д и о г е н. Они смердят, Менипп и убивают!

М е н и п п. Я жертвой заговора стал и всего лишился.

Д и о г е н. Благодарю судьбу за верную защиту - повторяю. Или ты уже не киник-пес, Менипп?

М е н и п п. Тут поневоле станешь псом - когда тебя лишают собственного дома.

Д и о г е н. Останься у меня - живи!

М е н и п п. В этой царской бочке? Да ты и в самом деле - спятивший Сократ. Платон, как видно, прав.

Д и о г е н. Живи тогда в его ты «Государстве» животным двуногим без перьев и жди, пока Платон припишет и улетные «Законы» для тебя из «Государства».

М е н и п п. Я просто пойду и повешусь.

Д и о г е н. Ты этого не сделаешь, Менипп...

М е н и п п. Мой разум нищету не ест.

Д и о г е н. До встречи.

М е н и п п. Нам Стикс подарит, видно, встречу. (*Уходит.*)

Д и о г е н. О, нищий духом! Слабая, бездарная дворняга! Ты ничему не научилась у меня - любимая моя ты собачонка. О-о-о... Зевс... (*Со стоном сжимает кулаки.*) Дерьмо все это, странник, а не люди. Я мог ему помочь лишь только словом. В девяносто лет своих я только и имею, что слова. Ты кого-то мне напоминаешь.

А л е к с а н д р. Я Александр Македонский, Диоген.

Д и о г е н. Царственная шутка. Бред собачий.

А л е к с а н д р. Погребли мою скульптуру - Праксителя работы. Я приказал.

Д и о г е н. Легендарнейший приказ.

А л е к с а н д р. Помнишь, здесь в театре, Диоген, я подошел к тебе, сказал: проси, что хочешь.

Д и о г е н. Не загораживай мне солнца, Александр - Диоген ответил. Это знают все педанты.

А л е к с а н д р. Меня ты не боишься? - Я потом спросил.

Д и о г е н. Добро ты или зло?

А л е к с а н д р. Добро.

Д и о г е н. Кто же боится добра?

А л е к с а н д р. И блюдо с костями ты от меня, собака, получил.

Д и о г е н. Еда для псов - да дар не царев.

А л е к с а н д р. Обиделся.

Д и о г е н. Волчий голод у собаки был.

А л е к с а н д р. Если б только бы я не был Александром - я бы Диогеном был.

Д и о г е н. И эту байку знает здесь любой.

А л е к с а н д р. Я Александром стал - теперь смогу надеюсь стать еще и Диогеном.

Д и о г е н. Чтоб мир земной улучшить?

А л е к с а н д р. Еще Филиппу, моему отцу понравился ты очень.

Д и о г е н. Ненасытности его свидетелем я был. Он это слышал от меня.

А л е к с а н д р. Ты меня узнал?

Д и о г е н. Все мы Александры Македонские. Да и Диогены. Все дело лишь в проценте от изменчивой судьбы.

А л е к с а н д р. За что меня ты так встречаешь тяжело?

Д и о г е н. За миролюбие великое твое. Ты всех хотел в едином государстве смять едиными педантами борзыми. И еще считал, что Боги лично поручили тебе это дело кровавого меча. Гордись - ты основал десятки городов, посеял в Азии ты греческие нравы, Гомером просветил - порубил мечом там образ жизни ихний, дикий и звериный. Ксеркс тщетно мост пытался перекинуть через Геллеспонт. Ты же, Александр, Азию с Европой в любви соединил в кровати, костью человеческой отделанной, скрипящей криками разрубленных людей. Это царственное ложе с честью ты добыл фалангой ядовитой в боях великолепных, поэтичных. Какая же поэзия без океана крови человечьей. Правдиво Фемистокл сказал: погибли б мы - когда бы не погибли. Но это о другом.

А л е к с а н д р. Я претворял твою идею о едином государстве, Диоген. Ты меня призвал.

Д и о г е н. Строить государство кровью и мечом?

А л е к с а н д р. Никого без меча не заставишь следовать вещим единым словам.

Д и о г е н. Язык мечом быть должен.

А л е к с а н д р. К этому стремился я всю жизнь. Но меч всегда меня опережал на свой разящий выпад.

Д и о г е н. Я не поверю никогда, чтоб Александр Македонский кровожадный, жалкий смерть разыграл свою нарочно, чтобы ко мне сюда придти. Зачем? Чему не научился он еще?

А л е к с а н д р. Я не научился погибать, чтоб не погибнуть.

Д и о г е н. Ты не Александр.

А л е к с а н д р. Ты читал Аристобула - моего биографа?

Д и о г е н. Листал.

А л е к с а н д р. Аристобул подробно описал святые раны Александра - сына Зевса, Бога-Громовержца. *(Показывает свои раны.)* Это под Газой - дротиком в плечо. Было очень больно. Вот сюда в лодыжку копьем индийским в Ассаканах. Было очень больно Александру. Здесь в бедро меня под Иссом пропороли. Было страшно больно Александру Македонскому, старик. Сюда же в грудь у маллов, длиною в два локтя стрела вонзилась крепко, сволочь. Смертельно было больно Александру Македонскому, отец. Сказал тогда я всем своим льстецам, что это «кровь, а не влага, какая струится у жителей

неба счастливых». Но меня по-прежнему за Бога принимали. А вон солдат мой спит - он все со мной прошел - проснется тут же, как только кто-то просто до меня дотронется мечом. Вот меч тебе мой, Диоген. *(Дает Диогену свой меч.)* Ты можешь разбудить солдата моего. Коснись меня мечом, но только чтобы кровь из тела хоть немножко на свободу вышла.

Д и о г е н. Ты сумасшедший, странник! И возьми свой меч...

А л е к с а н д р. Спасибо, Диоген... *(С силой берет свой меч за лезвие, так что на ладони появляется кровь.)*

С о л д а т *(просыпается, вскакивает)*. Александр... Брат... *(Подбегает к Александру.)* Ты ранен? Кто посмел?! Этот старикан?

А л е к с а н д р. Сам. Не научился сам себе срезать я даже заусенец, не порезав руку.

Д и о г е н. Зачем ко мне явился, Александр?

А л е к с а н д р. Понять хочу я Все.

Д и о г е н. Никто и никогда не сможет Все понять.

А л е к с а н д р. Но мы ж с тобой теперь вдвоем. А двое - пару образует. Пара - основание Всего. Мы прошлое для будущего вспомним. Мы будем искренни и Боги нам помогут понять их это Все, а значит Все и наше.

Д и о г е н. Из Мы выходит Я непобедимое, хоть я всю жизнь стремился Я поставить основанием всего.

А л е к с а н д р. И у меня такая же беда. Помоги себя мне вспомнить основательно.

Д и о г е н. Я тебе мешать не буду вспоминать, если ты решил действительно Все Знать. Ты этим мне поможешь тоже смертью смерть немного попытать.

А л е к с а н д р. С чего начать. Родился я шестого дня месяца Гетамбеона.

Д и о г е н. В тот самый день сожжен был храм Эфесской Артемиды.

С о л д а т. Натурально - в это время Артемида помогала Александру вылезти на свет. Боги с детства его опекали, придавали сил, характер шлифовали. И, когда Филипп одерживал победу за победой - Александр тяжело вздыхал и говорил своим друзьям в пятнадцать лет своих...

А л е к с а н д р. Весь мир земной и Божий отец успеет захватить. Мне не удастся с вами совершить побед великих и блестящих.

С о л д а т. А, как животных ты еще любил - коня-то Буцефала своего.

Слышно ржание коня.

А л е к с а н д р. Мой Буцефал... Мой Бог... Купить коня за тринадцать талантов предложили отцу. В поле вывели его для испытания. Неукротимым оказался Буцефал и диким - никто не мог заставить

слушаться его из всей отцовской свиты, и никому он не позволил оседлать себя и всякий раз взвивался на дыбы! Отец рассердился и приказал увести Буцефала. Тогда я сказал, что какого коня теряют эти люди только потому, что укротить его не могут из-за трусости своей, да по неловкости.

С о л д а т. Отец с усмешкою ответил - ты упрекаешь старших - будто сам тут больше смыслишь или лучше их сумеешь приручить коня.

А л е к с а н д р. Если я не оседлаю Буцефала - заплачу, что стоит этот конь!

С о л д а т. Поднялся дружный смех - они с отцом побились об заклад - да, что там говорить.

А л е к с а н д р. Я подбежал к Буцефалу, схватил его за узду и повернул навстречу солнцу. Буцефал пугался тени впереди себя.

Д и о г е н. А мордой к солнцу он совсем ослеп.

С о л д а т. Живой же конь ретивый, потрясающий.

А л е к с а н д р. Немного рядом я с ним пробежал, рукой его поглаживая нежно. Когда ж дышать спокойно начал Буцефал всей своею полной грудью, я на него стремительно вскочил и, почуяв, что норы Буцефала ладится с моим, и рвется конь вперед - я волю дал ему, и ураганно в поле мы ушли - в огромное поле зеленое с красными и жгучими тюльпанами. Когда на коне я вернулся назад, то услышал отца: ищи мой мальчик царство по себе - Македония слишком мала для тебя.

Д и о г е н. Аристотель что сказал на это - твой учитель?

С о л д а т. Стукач Аристотель? Учил-учил он Александра разуму-уму, а потом, предатель, выдал будущим врагам, чему он Александра научил. Книжечку издал по этому вопросу.

А л е к с а н д р. Если учения, нас воспитавшие, всеобщим станут достоянием, то чем же мы тогда, цари, отличаться будем от людей обычных?

С о л д а т. Все полезут во цари. Я вот, например, солдат беспозвоночный во власть полезу запредельную. И что я вам наковыряю там на троне? Трупов горку лишь одну? Нет. Я много горок трупов вам наковыряю.

Д и о г е н. И когда Филипп пошел походом против византийцев - Александр в свои шестнадцать лет остался править Македонией один? Так дело было по судьбе?

С о л д а т. Восстали меды, дед, - Александр их один врезонил.

А л е к с а н д р. Убил я человека первого тогда.

С о л д а т. Не человека - меда - ну ты что - рубанул на поле брани меда очень героически. Мед дурной восстал, попер на государство наше и культуру - совсем безмозглыми и пьяными мозгами.

Д и о г е н (*показывает на Солдата*). Вот он, первый враг - солдатовавар-барбар-человек восставший мед, дурной свободолобец и поэт, которого ты, Александр, убить сейчас обязан.

С о л д а т. Нет, сейчас-то убить он совсем не обязан, ребята. Чего ты, провокатор, подбиваешь словесами склизкими своими - бормотухи вроде ты не пил.

Д и о г е н. Не переписать историю стихами.

С о л д а т. Скажи сначала всем что я не мед, а уж потом стихами не рифмуй ты, сука, дед...

А л е к с а н д р. Но ты же натуральный мед, братишка - слова не вырубает топором.

С о л д а т. Не понимаю я стишка, ребята, в рифму слишком...

А л е к с а н д р. Медом больше, медом меньше - солнце все равно взойдет. Но, если я его сейчас не кокну - то кокнет он меня за то, что я его не кокну, если вдруг сейчас его не кокну в самом деле

С о л д а т. Но я ж тебя люблю!

Д и о г е н (*Солдату*). Но тебе же, дорогой, плевать на то, что биться будет с тобою сейчас будущий гений войны и властелин державы мировой единой. Жизнь твоя тебе, наверное, дороже?

С о л д а т (*хватается за свой меч*). Естественно, дороже! К тому же я не мед!

А л е к с а н д р. Сейчас посмотрим! (*Нападает на Солдата с мечом.*) Отличный мед... (*Атакует Солдата.*) Ну, как - штаны успел уже набрать, румяный сдобный мед?

С о л д а т (*щупает себя за штаны*). Мокрыми стали штанишки.

А л е к с а н д р. Передохнуть немножко ты желаешь?

С о л д а т. Желая множко передохнуть немножко. Чего б перекусить - комарика какого б.

Д и о г е н. Горбушечку держи.

С о л д а т. Вкусная горбушечка тугая. (*Нервно и быстро съедает хлеб.*) Была горбушечка, а вот ее и нет. На свой родилась свет, а на чужой обед попала.

Д и о г е н. И мед, попав на этот свет, родился на обед.

С о л д а т. Да, ребят - проехали мы меда - он дожидается нормального обеда.

А л е к с а н д р. За обед бороться надо аппетитно... (*Нападает с мечом на Солдата.*)

С о л д а т (*сражаясь с Александром*). Он намного сильнее меня - молокосос горячий этот мускулистый... Но почему меня ты долго так не убиваешь, а мучаешь так вечно?... (*Защищается от нападающего Александра.*)

Д и о г е н. Тебе приятно, Александр, наслаждаться его последними минутами живыми?

А л е к с а н д р (*нападает на Солдата*). В его глазах я вижу смерть живую... (*Атакует Солдата.*)

С о л д а т. В моих глазах ты видишь свое лишь отражение смерти, что из глаз твоих пылает и сжирает все вулканами зубами! Убей! Убей же, наконец, меня - не мучай только... (*С плачем становится на колени, швыряет в сторону свой меч.*) Я же вижу, что как по-человечески невыносимо тебе меня убить необходимо, великодушный царский юноша, не мед... Я же вижу, понимаю, что ты раньше, до меня, никого не убивал - прими мои сердечные сочувствия. И, чтоб помочь тебе - я выбросил свой меч. Теперь меня убить ты можешь даже и с закрытыми глазами. Тебе так будет легче экзистенциально сотворить первое свое личное убийство пограничное. (*Плачет.*) У меня жена и детушек пяточек, великодушный царский юноша, не мед... Пощади меня, пожалуйста - мою семью хотя бы пощади... Не враг тебе я лично... Богами всеми заклинаю - пощади!!! (*Плачет.*)

А л е к с а н д р. Он, что - пощады просит? Так сопливо.

Д и о г е н. Сопливые, трусливые солдаты – кому они нужны.

А л е к с а н д р. Но как я мир объединю без крови?! Ты ж миролюбиво не шагнешь в мой единый мир миролюбивый?!

С о л д а т. Сначала царь мой это мне должен приказать... (*Плачет.*)

А л е к с а н д р. Пока ты жив - твой царь приказ такой не даст. А войско мое прекратило атаку и смотрит на меня. Меды-враги отступать перестали и тоже взирают на нас. И македонцев уничтожат меды всех до одного, если мы вас всех не перебьем. Нет ничьи на поле битвы... И мочи нет, как хочется победы... Не говоря уже о том, как просто дальше жить хочу. И больше ничего.

Д и о г е н. Соверши ответственный поступок, Александр.

А л е к с а н д р. Я себя хочу убить в лице этого солдата!!! (*Закалывает Солдата, выбрасывает в сторону свой меч.*)

С о л д а т (*приходит постепенно в себя, встаёт, приносит Александру его меч.*) Мы солдаты сами управляем смертью на войне.

Д и о г е н. Я проклинаяю все на свете войны...

А л е к с а н д р. Громкие красивые слова. Мать моя Олимпиада отца Филиппа моего - туда же на ладью Харона усадила. (*К Солдату.*) За что ты, мать, убила моего отца и мужа своего?

С о л д а т. За то, что Филипп лишился поначалу глаза своего, когда подсматривал в скважину замочную, как Зевс - отец твой настоящий, кровный - со мною спит, приняв обличье змея? Мне просто хочется, чтоб ты сей грешный мир завоевал - чтоб мир настал всеобщий в едином государстве человечьем, в самом деле - как там любимый Диоген твой хочет все. Да, оглянись вокруг и погляди, как Фивы сдувают с оружия пыль херонейскую, Афины - руку помощи им тянут.

Сближаются Скифы с соседями. А Персия всех золотом купила. А мы в своей казне имеем талантов двести долга. Оглянись - от Зевса-папы у тебя талант весь мир подлунный покорить, мой мальчик златокудрый. А талант свой в землю зарывать нельзя - иначе он сожрет тебя, как Уран своих детей родных.

Д и о г е н. Отдай мне мою идею назад, Александр.

А л е к с а н д р. Идеи золотые, Диоген, не возвращают - всем они принадлежат едино - претворять их надо в жизнь. Идем со мной в поход. Ты бы всем помог, а не только мне, сделать всех миролюбивыми детьми этого разломанного мира.

Д и о г е н. Мне никто для этого не нужен.

А л е к с а н д р. Эгоизм. Ты не видишь мира, Диоген. Ты ограничен своей бочкой. Ты ее не перерос. Ты затычка только в ней. Но царь Гвидон ведь вышиб дно у бочки!

Д и о г е н. Это ты вгоняешь мир кровью и мечом в заднее отверстие свое.

А л е к с а н д р. Помоги мне по другому всех обнять любя.

Д и о г е н. Как нежная питонная змея?

А л е к с а н д р. На Дария, на Персию - вперед...

С о л д а т. Нас было тридцать тысяч пехотинцев и тысячи четыре всадника после Геллеспонта. У переправы через Граник Дарий огромное выстроил войско.

А л е к с а н д р. Какой чудесный, чистый, ароматный воздух, какое солнце теплое нам души согревает - какая речка эту сказку продолжает, мой Парменион!

С о л д а т. Персы в своем превосходстве уверены - сражения решительного жаждут. До завтра надо отложить атаку - устала наша гвардия.

А л е к с а н д р. Столь легко перейдя Геллеспонт - быть задержанным этой ничтожной речушкой? Я постыдился бы. В атаку! Передай.

Солдат уходит. Звучит сигнал атаки. Александр одевает на голову султан удивительной величины и белизны. Слышен лязг мечей. На сцену выбегают три перса и сражающийся с ними Солдат. Увидев Александра два перса нападают на него.

С о л д а т. Сними султан свой белый, царь! - Он выдает тебя!
Заполучи металл под кожу... (Закалывает одного перса.)

А л е к с а н д р. Получи свободу на тот свет... (Закалывает другого перса, но в это время другой перс наносит ему удар саблей по шлему. Александр падает, перс хочет его добить, но в этот момент Солдат закалывает перса.) Проси, что хочешь, Клит.

С о л д а т. Дай поносить султан твой царский, Бог!

А л е к с а н д р. Носи как Бога, Чёрт!!! *(Одевает Солдату свой белоснежный султан.)*

С о л д а т. Премного благодарен! Ну, кто еще на Бога Александра?!! К Чёрту подходи!!! *(Убегает.)*

А л е к с а н д р. Ты сам меня сделал должником твоим до гроба, Клит! *(К Диогену.)* А ты что, Дарий, на пороге встал, будто бы чужой?

Д и о г е н. Вот, значит, ты какой, Великий Александр. Прекрасен - слов не подберешь. Неплохо бьются за тебя твои солдаты. Фанатично, преданно. Завидую. Жаль, что мы с тобой так никогда не увидались, не подали руки друг другу, не выпили добротного вина, о женских чарах не порассуждали. Да я и не достоин твоей дружбы. Мы так бездарно проиграли этот Граник.

А л е к с а н д р. Ты потерял двадцать три тысячи солдат.

Д и о г е н. Мелочь.

С о л д а т. Мы потеряли тридцать четыре солдата, и это не мелочь.

А л е к с а н д р. Я мира хочу - вселенского прочного мира.

Д и о г е н. Любой завоеватель любит лишь бескрайний мир.

А л е к с а н д р. Я освободитель, Дарий.

Д и о г е н. Освободитель хочет меня уничтожить и Персию. У тебя очень мало солдат.

А л е к с а н д р. Но мои солдаты с радостью за меня умирают.

Д и о г е н. Умирают с радостью? Но этому я сам уже не верю.

А л е к с а н д р *(Солдату)*. Заставь поверить Дария, радостный солдат.

С о л д а т. Но он и так же верит, Александр...

А л е к с а н д р. С радостью - умри... *(Наставляет на Солдата свой меч.)*

С о л д а т. Ну, радостную мать... мою... *(Бросается на его меч, падает.)*

А л е к с а н д р *(показывая на Солдата)*. От таких вот никому не нужных кровавых разборок в проклятой Килликии я простудился, заболел. Хотя уже и стал божественным как будто. *(Кашляет, набрасывает на плечи львиную шкуру, полощет горло.)* Шалфей, малина, молоко, ромашка, мед, львиная шкура не посылают помощь уж который месяц. Меня за труса Дарий, видно, принимает. А я в речке искупался ледяной. Врачи боятся казни, если не вылечат меня. И не подходят, и не лечат. Не солдаты рискованные – эти врачи. *(Наклоняется над Солдатом.)* Ты хоть там поправился, агнец?

С о л д а т *(прокашливается)*. Поправился для следующей могилы.

А л е к с а н д р *(к Диогену)*. Филипп, мой врач, ну, дай же выпить мне чего-нибудь хорошего, Фипипп. Я же подыхаю - видишь. Ты же тезка моего... отца... Филипп.

Д и о г е н. Выпей это, Александр. *(Дает Александру что-то выпить из углубления в хлебном мякише.)*

А л е к с а н д р *(выпив)*. Царская судьба всю жизнь лакать такую гадость. Спасибо, Филипп, за отраву. Прочти папирус. Там Дарий тебе что-то сочинил. *(Дает Диогену письмо.)*

Д и о г е н *(читает)*. «И, если умрет отравленный тобою Александр, ты, Филипп аккарнанец, получишь руку моей дочери и любую землю на царство». *(Возвращает Александру письмо.)* Не писал я этого - хоть смерти и хотел твоей.

А л е к с а н д р. За то, что я желаю другом стать твоим?

Д и о г е н. По дружбе на Пинаре ты кромсаешь сто десять тысяч лучших воинов моих?

А л е к с а н д р. Лишь лучшие враги достойные победы могут подарить.

Д и о г е н. Я позорно спасся бегством - на четыре стадия тебя опередив.

А л е к с а н д р. Твоя мать, жена, твои две дочери пленницами сделались моими. Но я увеличил на их содержание средства.

С о л д а т. И позволил закопать погибших в битве персов!

Д и о г е н. Самым царственным твоим благодеянием было то, что мои женщины не были опозорены.

С о л д а т. А нам хотелось, знаешь как, мохнатку оттопырить им?! Мяска про между ихних попочек заполучить на яйца с пушкой на омлет!

А л е к с а н д р. Способность собою владеть - важней, чем побеждать в боях.

С о л д а т. Ты, Бог, лишь, Александр! Сам себя умеешь удовлетворять.

А л е к с а н д р *(Солдату)*. Ты ищешь ссоры, Клит, со мной?!

С о л д а т. Да, я давно поссорился с божественной судьбой, благодаря тебе - убийственному Богу.

А л е к с а н д р. Верить перестал.

С о л д а т. Не могу поверить даже тебе Богу – Сыну Зевса, что мы ведем священную войну, чтоб больше никогда не знали люди в мире войн? Я тебя знаю очень хорошо.

А л е к с а н д р. Рискуешь жизнью, Клит?

С о л д а т. Беру пример с двадцати твоих лучших солдат, которые только что бросились в пропасть, чтоб персам показать, за миром пришедшим, как твои солдаты умирают за тебя!

А л е к с а н д р. Я их не просил. Персы мир пришли просить только для себя...

Д и о г е н. Я - царь персов Дарий предложил тебе для выкупа за пленных - десять тысяч талантов, все земли по ту сторону Евфрата, любую в жены дочь, союз и дружбу!

С о л д а т. Будь я Александром - я принял эти бы условия.

А л е к с а н д р. Зевсом клянусь - я сделал так же - будь я только Клитом.

Д и о г е н. Твои условия для мира.

А л е к с а н д р. Твой мир быть должен поглощен миром всем моим для всех. *(Кладет на плечо Диогена руку.)* Это мир для всех победный, Дарий, друг!

Д и о г е н. Убийцы могут быть друзьями, Александр?!

А л е к с а н д р. Твою жену, умершую от родов, Дарий, оплакивали все мои солдаты и полководцы тоже все!

С о л д а т. Ты нечеловеческой породы Александр. Милосердие твоё к врагам погибшим больше, чем изначальное желанье их убить. Сочетанье уникальное этих двух сугубо человеческих черт.

Д и о г е н. О, Боги - хранители рода и царства! - Дайте силы мне восстановить могущество и счастье персов! Мне очень надо Александра отблагодарить за все, что он совершил для моих родных и близких... Или пусть тогда уже никто, кроме Александра, не воссядет на трон Кира... Пусть нам помогут Гангамелы - дом Верблюжий. Пусть.

С о л д а т. Дарий выставил все свои войска! Их больше миллиона, Александр! Тьма темная опять. А нас сейчас уменьшилось на двадцать самых преданных солдат.

А л е к с а н д р. Эти двадцать за меня моих самоубийц перебили сразу половину персов неисчислимых, мой Гефестион.

С о л д а т. И все же напасть надо ночью - нам не будет так страшно.

А л е к с а н д р. Я не бандит ночной, Гефестион. Александр не крадет побед...

С о л д а т. Ты никому не разрешаешь красть своих побед, когда победа снова лезет тебе в пасть. Персы отступили прежде, чем передние ряды успели бой принять.

А л е к с а н д р. Я персов в центр тесню - где Дарий, мой любимый друг, находится потерянный. Иду к нему на встречу, чтобы успокоить.

Д и о г е н. На высокой колеснице я стою в середине царского отряда из всадников отборнейших. Но чем ближе ты ко мне подходишь - тем более смятение овладевает ими. И разбивают трусы строй - ведь кто-то еще держится. Ведь самые отважные, даже умирая от смертельных ран - находят в себе силы вцепиться мертвой хваткой в твоих коней и всадников твоих. И персы уже гибнут у самых ног моих! - И я бежал на кобылице безоружный.

А л е к с а н д р. Ну зачем же, Дарий ты сбежал – ведь ты же царь?! Я шел к тебе на помощь, разрывая цепь телохранителей твоих! Я хотел взойти к тебе на колесницу и там тебя обнять, как друга долгожданного на глазах у воинов всех наших героических... Победив в бою тебя - миром победить тебя затем хотел я благодарным, мой ты драгоценный

друг. Как я премного был победе рад, что ты мне подарил... (*Солдату.*)
Ты забыл свою работу, Бесс?...

С о л д а т (подойдя к Диогену). Да это вроде бы не Дарий, Александр. Я Дария не спутаю ни с кем. Врезался мне в память хорошо царь Дарий, когда его я лично резал.

А л е к с а н д р. Стража... Палачи...

Выходят два стражника. Александр показывает стражникам на Солдата.

Казнить жестоко Бесса...

Стражники берут Солдата под руки.

С о л д а т. Но ты же сам мне Дария прикончить заказал...

Стражники уводят Солдата.

А л е к с а н д р. Два прямых громадных дерева согнули и вершинами соединили. К вершинам привязали Бесса, а потом деревья отпустили...

Ужасный крик Солдата.

И деревья, выпрямившись вновь - на части разорвали Бесса в кровь.
Законы мира физики - нетленны.

Выходит Солдат, отряхивается.

С о л д а т. Ребят, давайте будем гравитационную физику без опытов учить.

На сцену выкатывается колесница, перевязанная множеством узлов.

Д и о г е н. Гордиев узел - царя Мидаса колесница. Кто его развяжет - тот и станет мира повелителем.

А л е к с а н д р. И ведь человек старался-мучился бессмысленно так все завязать-перевязать. Сексуальная задача. (*Вонзает в Гордиев Узел свой меч и будто «насилует Гордиев Узел своим мечом, как женщину»*). Нет, ребята дорогие. Я с мечом к вам дорубился и мой меч в устах моих. Все развязывается связью... (*Разрубает мечом Гордиев Узел.*) Меч может Мы слить только кровью Я.

З а т е м н е н и е.

Там же. На сцене Александр, Диоген, Солдат. На Александре персидские штаны.

А л е к с а н д р. Тело Дария, убрав по царски, я отослал его матери. А Эксарта - брата Дария - в свое окружение принял.

Д и о г е н. И продолжал мир миром резать.

А л е к с а н д р. Мои приближенные изнежились, как бабы. Из серебра куют гвозди к башмакам. У Филота сетей для охоты сто стадиев. С собой повсюду возят банщиков и спальников, и этих пидарасов. Мне мальчика намедни предлагали. Более рабского нет ничего, чем роскошь и нега. И только труд один - царская примета. И переход ночной заместо завтрака, и завтрак скудный вместо сытного обеда! И за конем ухаживать надо самому, и чистить самому оружие своё. Они ж отвыкли прикасаться к собственному телу! Варвары - не греки. И им еще не нравятся мои персидские штаны. Я их одел для общего успеха. Сближаться надо хоть штанами с покоренным населением своим. А не заговоры строить пидарасов! *(К Диогену.)* Парменион...

Д и о г е н. Что мой царь еще желает?!

А л е к с а н д р *(кладет на плечо Диогена руку)*. Мой старый, верный друг. Ты призывал меня еще к походу, помнишь? Твои два сына на глазах у нас в сражениях погибли за победу. Твой же третий сын Филот... *(показывает на Солдата)* предал подло нас.

Д и о г е н. Что ты натворил, Филот?

С о л д а т. Отчитываться пред мальчишкой, который нам обязан могуществом своим?

Д и о г е н. Филот же просто сумасшедший, Александр!

А л е к с а н д р *(Солдату)*. Димн и Никомах хотят меня прикончить и ты об этом знаешь. Сумасшедший?

С о л д а т. Я знал, что все ты это знаешь.

А л е к с а н д р. Я хотел узнать все это от тебя.

Д и о г е н. Филот сексот?

А л е к с а н д р. Он с ними?

С о л д а т. Со всеми.

А л е к с а н д р. Без меня?

С о л д а т. Тебя все очень сильно любят. И Димн, и Никомах.

А л е к с а н д р. С любовью убивать они меня хотели?

С о л д а т. Чтоб вечно все твои дела любвеобильно жили побеждая.

А л е к с а н д р. Сейчас тебя казнят любовью безответной.

С о л д а т. Мой отец тебя любить не перестанет.

Д и о г е н. Что я тебе плохого сделал?

С о л д а т. Я первым сам люблю плевать на все высокие идеи, цели, в которые всех остальных вторых я так же бы, наверно, заставлял уверовать под страхом нежной, доброй, славной, смерти, чтоб навек остаться в памяти людей великим Александром Македонским!

А л е к с а н д р. Но ты же не родился Александром Македонским, мальчик... *(Обнимает Солдата.)*

С о л д а т. С тобою рядом хочется всегда быть только первым.

А л е к с а н д р. Об этом думать надо было лишь интеллигентно. Думать и страдать. Страдания душевного ума тебя бы научили выжить.

С о л д а т. Совет такой интеллигентный ты мне разрешаешь претворить?

А л е к с а н д р. Если б был бы ты не варваром, дружок. *(Делает знак рукой.)*

Выходят два стражника, берут Солдата под руки.

С о л д а т. Но, ребята, - мы ж базарим только не интеллигентно...

Стражники уводят Солдата.

Д и о г е н. Это, Александр - сын последний мой - Филот.

А л е к с а н д р. Далеко-ли яблоко от яблони слетает? А, Парменион?

Д и о г е н. Это не друга вопрос.

А л е к с а н д р. Но ты же думаешь уже, как отомстить за сына.

Д и о г е н. Тебя люблю я больше сына.

А л е к с а н д р. Убийственной любовью?

Выходит Солдат, отряхивается.

С о л д а т. Смертельная любовь чувствительно пронзает.

Д и о г е н. Дайте меч.

А л е к с а н д р. Друг. Вдруг. Зачем?

Д и о г е н. Парменион не хочет, чтоб на совести твоей была еще и казнь Пармениона, Александр.

А л е к с а н д р. Замолчи... Парменион... *(Закалывает Солдата.)*
Парменион любимый, нежный друг мой лучший. *(Кладет Диогену на плечо руку, отворачивается.)*

С о л д а т *(поднимаясь)*. Я весь такой за всех дырявый - больше некуда колоть!

А л е к с а н д р *(к Солдату)*. Клит - как хорошо, что жив еще ты, Клит!

С о л д а т. Одна сплошная дырка - круг испоротый порочный.

А л е к с а н д р. Божественный мой бесконечный круг. Чего же ты стихов божественных, волшебных мне из Еврипида не прочтешь, обожравшись и упившись на моем пиру?... Читай! (*Наставляет на Солдата меч.*) Не повторяю... (*Прикладывает лезвие меча к горлу Солдата.*)

С о л д а т.

«Какой плохой обычай есть у эллинов,
Когда трофеей победный ставит войско
Между врагов лежащих, то не те
Прославлены, которые трудились,
А вождь один себе хвалу берет.
И пусть одно из мириады копий
Он потрясал и делал то, что все,
Но на устах у всех его лишь имя».

А л е к с а н д р. Темная неблагодарность. А дальше про тирана, что ты не сказал? Говори же, падла...

С о л д а т. «На устах у всех его лишь имя - тирана, сука, имя...»

А л е к с а н д р. О, мой ты, самый богочтимый Клит... (*Закалывает Солдата.*) Сам виноват, что спас мне жизнь когда-то.

С о л д а т (*поднимается, отряхивается*). Забодала кровью история в пыли.

А л е к с а н д р. Нить красную повествованья только меч сакральный может точно провести.

Д и о г е н. Как ты только сам остался невредим при мечах вокруг сакральных?

А л е к с а н д р (*смотрит на свой меч*). Да хотелось мне на личное оружие в сердцах, как говоришь, накинуться всем телом. Телохранители-солдаты помешали.

С о л д а т. Точно - помешали.

Д и о г е н. А не было когда телохранителей вблизи?

А л е к с а н д р. Тогда вблизи враги одни лишь были. И убивать врагов я мог лишь будучи живым.

Д и о г е н. Царь индийский Пор Александру здравствуй говорит.

А л е к с а н д р. Сам видишь. Ты почему не принял предложения мирные мои?

Д и о г е н. Счел за высшее счастье сразиться с тобой, Александр.

А л е к с а н д р. Жизнью рискуешь своей.

Д и о г е н. Ради великого боя я готов отдать и жизнь.

С о л д а т. На обоих флангах дрогнули индийцы. К слонам своим всё черти убежали без конца.

А л е к с а н д р. И вновь на нас кидались от слонов, как кобры.

Д и о г е н. Ты восхищался нами, Александр?...

А л е к с а н д р. Лишь на десятый час мы вам рога сломали носорожья.

Д и о г е н. И слон мой на коленях дротики вытаскивал хоботом своим из тела моего.

А л е к с а н д р. Как всадник на коне - на своем ты выглядел слоне.

Д и о г е н. Я знал, что мы тебе понравимся в бою.

С о л д а т. С большим трудом мы Пора одолели. Лишь двадцать тысяч пехотинцев было с ним, да пару тысяч всадников в придачу, да слонов еще десятка три-четыре.

Д и о г е н. Благодарю за похвалу.

А л е к с а н д р. Буцефала вы забрали у меня.

Д и о г е н. В честь своего великого коня - ты город у Гидаспа основал и нарек ты город Буцефалией.

А л е к с а н д р. Ну и как убийца моего любимого коня прикажешь обращаться мне теперь с тобой?!

Д и о г е н. По-царски - только если сам считаешь, что мы царский тебе дали бой.

А л е к с а н д р. Я тебя сатрапом назначаю над областью, где царствовал ты прежде и еще даю земли. *(Пауза.)* Спасибо не услышу?

Д и о г е н. Мои солдаты мертвые за рай тебя уже благодарили.

А л е к с а н д р. Это самый тяжкий и достойный поступок – благодарить за рай достойной смертью... Пор...

Д и о г е н. Таксил я, Александр, а не Пор.

А л е к с а н д р. Ты уже Таксил?

С о л д а т. Еще один индийский варвар с площадью жилой, не меньше, чем Египет.

А л е к с а н д р. К драке готовься, Таксил - к лютой, беспощадной, безрассудной драке.

Д и о г е н. Но зачем нам воевать друг с другом, посуди? - Разумным, зрячим людям. Ведь ты ж не отнимаешь солнце и воду у нас. Всем остальным я поделюсь с тобой охотно.

А л е к с а н д р. Благодеянием будем сражаться?

С о л д а т. Да охренели эти лицемерные индийцы со своим благодеянием. Скачут из города в город и бьются, как камикадзе. Япония рядом - опыт переняли финалить нас камикадзным образом, сука. Ну и дояпошились, когда в одном ты городе мир с ними заключил, и вышли вот они за стенки городские, где мы их поджидаем и скальп, сука, с них до печени срезаем.

А л е к с а н д р. Разве так и было?

С о л д а т. Бог мой, Александр. Еще там по приказу твоему мы повесили к черту философов индийских типа Диогена целых десять бяк. Я сам скамейки из-под ихних ног своими выбивал ступнями. Они ж к восстанию-благодеянию своих бандитов звали. Ты ж сам беседовал

еще с гимнасофистами, которых захватили тебе в плен. Какой из десяти гимнасофистов ответ даст худший - получит первым смерть.

А л е к с а н д р (к Диогену). Человек зачем живет на свете?

Д и о г е н. Чтобы притворяться что живет.

А л е к с а н д р. А умирает - тоже притворяясь?

Д и о г е н. Лишь в Смерти человек во Истину живет и Вечно.

А л е к с а н д р. Так надо только что - для Смерти жить?

Д и о г е н. Только для неё – она ведь вечна.

А л е к с а н д р. Но почему живем для Жизни?

Д и о г е н. Слабый человек.

А л е к с а н д р. Так что в основе мира – смерть, жизнь?

Д и о г е н. Без жизни – смерти нет.

А л е к с а н д р. Ну а смерть без жизни – существует?

Д и о г е н. Смерть без жизни – самая прекрасная основа Бытия.

А л е к с а н д р. Человеку можно этого достичь?

Д и о г е н. Если никогда не просыпаться.

А л е к с а н д р. Но ведь сначала человеку надо бодрому уснуть.

Д и о г е н. Сначала человек родиться должен в человеке.

А л е к с а н д р. Что такое человек?

Д и о г е н. То, что словами говорить умеет правильные вещи, а руками делать.

А л е к с а н д р. Ну, а ты, гимнасофист десятый, объяви давай всем десяти гимнасофистам приговор.

Д и о г е н. Один отвечал хуже другого.

А л е к с а н д р. Тогда гимнасофист десятый первым и умрет.

С о л д а т. Но ты же ведь сказал, что первым ты того убьешь - кто худший даст ответ...

А л е к с а н д р. Гимнасофист. Щедро одарить гимнасофистов и в свободу бросить.

Пауза.

Я из Индии не вывел даже и четверти войска. Но, когда собрался отослать домой больных и изувеченных солдат - вы, македоняне, очень оскорбились на меня! (*Резко отстраняет от себя Солдата.*)

С о л д а т. Ты не такими возвращаешь нас, какими взял.

А л е к с а н д р. Властелины мира вы теперь. И в жены я вам дал чудеснейших девиц. В письме к Антипатру я приказал сажать вас только на местах почетнейших в театрах и венками как героев украшать.

С о л д а т. После войны для солдата война самая сладкая женщина. Где твои Статира и Роксана?

А л е к с а н д р. Они всегда со мной. (*К Диогену*). Прекрасная Роксана. Ты мне все время снишься там, на пиру, в хороводе танцующей, когда влюбился сразу я в тебя.

Д и о г е н. Моего отца убил, а теперь сближаешься с бактрийцами, постель со мной деля и душу отнимая.

А л е к с а н д р. Ты не права, Роксанушка. Послушай, как Статира все разумно понимает сердцем. (*Берет Солдата за руку*.) Добрая и нежная Статира.

С о л д а т. Успокойся, Александр. Не будут персы мстить тебе за Дария отца - ты на ложе классно распинаешь его дочку.

А л е к с а н д р. Еще тут как назло Гефестион отравленный скончался.

Д и о г е н. Поэтому не беспричинно ты распял врача Гефестиона. И всех коссев перебил для утешения.

А л е к с а н д р (*к Солдату*). Пракситель - труп готов?

С о л д а т. С пчелиного воска скульптура.

Д и о г е н. Диадохи войнами своими на клочья разорвут весь твой державный мир. Прольется море неповинной крови. Погибнут твои жены, мать и малолетний сын.

А л е к с а н д р. Если б я все это знал - я не знал бы что сейчас мне делать. Прочти письмо - которое тогда ты написал мне, Диоген.

Д и о г е н. У нас с тобою - как у всех - одна Земля. И, если, даже ты возьмешь себе все реки, то выпить все их все равно не сможешь! Но, обладая одной душой - ты губишь миллионы душ, тиран!

С о л д а т. Тиран. Ты, Александр, разрешаешь Диогену снова ничего не знать кроме своей бочки?

А л е к с а н д р. Диоген, читай.

Д и о г е н. Мир людей не изменить, людей в нем убивая. Культура стать оружием должна. Как хорошо все начиналось-то в начале. Хаос. Из Хаоса Земля возникла, Боги. Люди родились потом. И стали Землю разделять между собой. Они разрезали ее на части, обнеся оградями, оружием убийств. Тела свои укутали в мягкие одежды, золото, разврат. Ненасытные свои желудки люди стали набивать при помощи войны. И всегда считают, что имеют – это хуже того, что надеются прибрать. Боятся нужды, но не могут насытиться. Страшатся смерти, но не заботятся о жизни. Для безоружных страшные - трусливые с вооруженными. Ненавидят тиранию, а сами жаждут стать тиранами. Отрицают все позорное, но не воздерживаются от гадких дел. Молятся Богам, ожидая помощи от них, но в то же время презирают их, не веря в Божью кару. Так что, Александр - ты не исключение в развитии безумнейшего мира.

С о л д а т. А сам ты из-за этой бочки девушку любимую отверг. Детей тебе она не нарожала любимых и счастливых на Земле для радости и

смысла всей вселенной. Нерожденные детишки - страшнее умирают, чем солдаты в славной битве – твоя голова демагога – это их могила. Потом – культура, знаешь, насаждается мечом. А дальше уж сосется и словами из грудей воспитанных людей.

Д и о г е н. Если языком ты знаешь слово меч - руками можно меч не трогать.

А л е к с а н д р. Вот это Правда, Диоген.

Входят Юнец, Офицер городской стражи и два Стражника.

Ю н е ц. Вот этот тип и заявляет, что он Великий Александр наш.

А л е к с а н д р. Я так устал быть Александром Македонским.

О ф и ц е р. Я чего-то понимаю, что я здесь не понимаю ничего. Вся ж империя нашего незабвеннейшего величайшего Александра Македонского находится в течении четырех месяцев бесконечных и бескрайних в грустнейшем из трагичнейших трауре по безвременной кончине нашего непревзойдённого, несметного царя. Вы что спятили от этого печального исхода? Ночь на все дневные ваши морды.

А л е к с а н д р. Короче, величайший...

О ф и ц е р. Я, те, щас за фамильярность - к Александру Македонскому в Аид отправлю быстро для беседы охладительной в жару.

А л е к с а н д р. Слушай, величайший фамильярный - ты на монетах профиль видел мой державный?

О ф и ц е р. Я вижу на монетах только сколько там монет и все. Артист нашелся смелый тут самоубийца - валютная звезда.

Ю н е ц. Вот в звездную рапсодию его и надо бы сыграть подальше к звездам в небеса.

О ф и ц е р. Да он уже туда и начал как бы падать.

А л е к с а н д р. Да ты, Метрокл, величайший! - Мой офицер! Ты левую руку свою на Гранике оставил, брат. Я отпустил домой тебя потом, Метрокл.

С о л д а т. Метрокл... - Точно. Брат.

О ф и ц е р. Александр... - Ты? Какими же судьбами здесь? - Живой!

Пауза.

Как мы персам-то под зад на Гранике всадили. Жаль, что руку там мне саблей рубанули и не смог пойти с тобой я дальше по победам. А как твой незабвенный Буцефал?

А л е к с а н д р. В Индии полег мой Буцефал, Метрокл. Много там легло.

О ф и ц е р. Александр... Жив... *(Обнимает Александра, утирает слезу.)* Солдат мой верный! *(Обнимает Солдата, утирает слезу.)*

С о л д а т. Метрокл - наш храбрый офицер!

О ф и ц е р. Братва... *(Утирает слезу.)* Братва - вот не ожидал... *(Богачонку.)* А, ну-ка, молодец-гвардеец - кши отсюда восвояси. Не узнать самого Александра! Кши, сказали - кши-и...

Ю н е ц. Но я ж хотел, как можно лучше.

О ф и ц е р. Слушай, пидар-молодец, лучше члена может только меч активно работу хера делать, когда сейчас в твою он влезет жопу! *(Замахивается на него мечом.)* Хочешь на шампур?!

Ю н е ц. Я вас сам за жарю! *(Убегает.)*

О ф и ц е р. Агрессивный пидар нынче, Александр - будто сорная трава растет сейчас повсюду как грибы. Спидовушные настали сумерки, ребята, у эпохи. Все сперму начали спускать в очко натяжно или членососить хайлом. Ну, пидар спидовушный и пошел на этом удобрении растлительном расти. Мораль сейчас одна у века - шампурить в жопу человека.

А л е к с а н д р. А как твоя мораль, Метрокл?

О ф и ц е р. Моя мораль - проста и чиста - из пидараса делать говночиста.

А л е к с а н д р. Ну, что ж - моя мораль как будто бы похожа на твою. Я здесь теперь надолго остаюсь. Решил дожить я в бочке жизнь свою - Языком стать - Словом Мирным в этой бочке. Меч мой сделал свое дело, больше он не нужен никому.

С о л д а т. Культура пусть теперь становится оружием, Метрокл.

А л е к с а н д р. Да и грехи немного надо замолить.

О ф и ц е р. Но ты ж сын Зевса - Александр. Грехов у Бога не бывает пред людьми.

А л е к с а н д р. Грехов у Бога не бывает пред людьми - когда у человека нет грехов пред Богом.

О ф и ц е р. Я человеческими ушами о Боге человеческими словами не воспринимаю, понимаешь, мысль. Короче говоря, там у тебя - хер перестал стоять на разные там мягонькие жопы, ибо, сука, душа сама немножко жопой размягчилась?

А л е к с а н д р. Ты что-то говоришь не то, Метрокл!

О ф и ц е р *(Стражникам, показывая на Александра)*. Стража! Взять его под руки и за жопу... Я-то сказал, что надо, Александр? Сейчас тебя камнями забросают - все ж лучше, чем, сука, захлебнуться от своих словеснейших, поноснейших вафлей! Ты сам себя уже самоубил - я только не хочу тебя собой похоронить.

А л е к с а н д р. Дай умереть хотя бы от меча, Метрокл...

О ф и ц е р. Ну ради разве только что ты точно Александр мой живой, любимый и родной. Мой меч с тобой поговорит за честь твою. Мечи...

(Стражники дают Офицеру и Александру мечи.) Ты знаешь - мои же сыновья мечтают только об одном - на радость папе своему мир этот пидарасный покорить и в жопу отхерачить, и в глотку хером засабачить-захлебнуть. Ты ж гениальный, сексуальный, сука, роман-то сотворил с подлунным этим миром - дай другим ребятам тоже полнокровно, творчески пожить, неся культуру варварским народам смертью роковой... Достоянная мечта сразиться с телом Александра Македонского за честь и праведную страсть Духа Александра Македонского. *(Неожиданно поражает Александра мечом.)* Как ты просил - в руке ты, умирая, держишь меч.

А л е к с а н д р. Язык не стал моим мечом, о, Диоген. Прости...
(Умирает.)

С о л д а т *(щупает у Александра пульс)*. Умер Бог отребьем неизвестным... Известные дела...

О ф и ц е р. Так ты идешь опять со мной, солдат, в дорогу?

С о л д а т. А разве что с ногами здесь моими вдруг произошло?

О ф и ц е р. Да так и надо крепче думать головой. *(К Диогену.)* Ну, что, собака-Диоген, дыхание себе никак все не удержишь? - Как в ученых книжках будут-то писать. *(Делает знак Стражникам - те берут Диогена за руки.)* Давай, солдат - держи дорогу на затычку амбразуры рта и на двустволки носа – этому словесному и старому поносу.

Д и о г е н. Собаки. Псы. Гиены... Сволочи одни...

Солдат зажимает Диогену рот и нос. Диоген задыхается и умирает.

С о л д а т. Больше он не дышит языком.

О ф и ц е р. Оставим здесь их крысам, воронью, собакам.
(Стражникам.) Людей на площадь не пускать сегодня... Да и завтра тоже здесь пусть будет как вчера...

Все уходят.

З а т е м н е н и е

*Париж, 1990
Москва, 2016*

